

*Прислушалась:
а это дождь.*

Наташа Кер

*А что, если двадцать пять лет спустя
ты снова закрутила роман со своей
первой любовью?*

Наташа Кер

Прислушалась: а это дождь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70115620

SelfPub; 2024

Аннотация

А что, если двадцать пять лет спустя ты снова закрутила роман со своей первой любовью? Главная героиня Зося давно живет в Париже и ведет размеренную жизнь. Получив грустную новость о смерти отца, она возвращается в город детства, Питер. Спустя много лет Зося снова встречается с крышами и мостами, друзьями и близкими ей людьми. Но захочет ли тот, от кого она когда-то удрала на край света, снова ее увидеть? Что говорят друг другу двое, встретившись через четверть жизни? Да и нужны ли здесь слова..

Содержание

Саша	9
Глава 2. 2023 Зося	12
Глава 3.1993 Зося	16
Глава 4.2023 Саша	20
Зося	22
Глава 5. 06.12.1992 Саша	26
Глава 6. 2023 Зося	29
Саша	30
Глава 7.2023 Зося	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наташа Кер

Прислушалась: а это дождь

*Моей первой любви,
без которой не было бы ни этой книги,
ни меня такой, какая я есть сегодня.*

*Любовь – это для молодежи.
Для военнослужащих и спортсменов...*

*А тут все гораздо сложнее.
Тут уже не любовь, а судьба.*

Сергей Довлатов

Глава 1.1993 Зося

– Ну что, проводить тебя? – хитринка мелькнула в глазах.
Я жадно глотнула воздух. Меня? Проводить? Вот черт.
Я ведь даже ресницы сегодня не накрутила.

Было свежо, по-питерскисентябрьски. Солнце шурилось
сквозь раскраску листвы. Он взял из рук мою корзину с рябиной.

Корзинка зашипела и покосилась. Он подхватил высыпавшиеся грозди. Случайно дотронулся до моих пальцев.

– Да, пожадничали вы с Маринкой: куда вам столько рябины?

– Мама варенье будет крутить.

– Его ж есть невозможно: горчит.

– Не. У нее секрет там какой-то. Добавляет пряности.

– Лисий яд что ли?

Я украдкой взглянула на знакомый профиль: ну вылитый Бельмондо, когда улыбается, – проскочило в голове.

Сломанный нос. Два раза. По крайней мере, судя по тому, что рассказывали девчонки из параллельного. Глаза цвета опавших каштанов. Пухлый, когда-то правильной формы, рот скрывает разбитую челюсть. И в дополнение – тонкая, почти невидимая оправа очков. Знаете, как в старых фильмах.

А еще – вечная книга за пазухой. Саша Мейер – интеллектual с боксерским нравом. Да уж. Нутелла с солеными огурцами. Вечно я вляпаюсь.

Идем. Шаркаем листьями. Я прицепилась всё-таки к корзине – типа помогаю.

– Зось, отцепись ты уже. Малипуся. Ты ж на ней вишишь, – он осторожно пытается отнять мои вцепившиеся пальцы. Я улыбаюсь. Хоть внутренне корчусь от обиды: так хочется нести ее «вместе». Зато «малипусей» он, кажется, еще никого не называл. Только меня. Черт, краснею. Прячу лицо за прядью. Наклоняюсь, делаю вид, что шнурок развязался. Кровь еще больше приливает к щекам.

Зося – это я. Вообще-то, я – Зоя. Но польское имя прилепилось ко мне еще лет с пяти. Дедушка Изя привез тогда куклу из Польши. Длиннющие ватные ноги. Косы можно три

раза обернуть вокруг туловища. Миниатюрные ушки – говорят, размер ушей – это про интеллект. Глаза – плоски цвета моря. И веснушки по щекам. «Прям мухи нассали. Как у Зойки», – заливался дед. И всегда успевал увернуться от бабушкиного полотенца, летевшего вслед.

Вырезанные из кожи куклины ресницы были срочно оторваны и заменены на фломастерные.

Косы – варварски отрезаны под каре. Их заменили мои колготки, которые я стащила со своей головы и напялила кукле на голову – спрятать содеянное.

– Смотри-ка, автопортрет, – хохотал дед, вертя в руках куклу. – Ну ты, портретист – Зоська Модильяни, – он потрепал меня по щеке.

Я не знала, что такое Зоськамодильяни. Но в имя Зося влюбилась. И решила: раз уж мальчиком мне все равно не стать, так хоть имя поменяю.

Сегодня мне пятнадцать. В школе мне кричат – Зоська-соська. А на носу у меня все еще мухи... ну, помните, да? Но, клянусь, колготки на голове больше не ношу. Люблю, в наушниках слушать шум дождя. Мы с Маринкой просидели полночи на подоконнике: записывали на магнитофон, как он пел. В смысле – дождь. А потом дружно проспали контрольную по химии. А еще я люблю...

– Зось, стой! С ума сошла?! Машины же! – Сашка схватил меня за ворот куртки и резко дернул назад. На мгновенье прижал меня к себе. Крепко. Секунда. Две. Мы все стояли. Я

слышала – нет, спиной ощущала: бумбум. Падампадам. Барабанный оркестр. Барабанный оркестр сердец. Двух сердец. Наших. Вот бы наложить их на шум дождя.

Он отпустил меня и чуть подтолкнул вперед: иди уже. Я повернулась. Смотрю на него. Улыбается в ответ одними глазами.

– Ты всегда так?

– Как?

– В облаках.

– Не, я просто о дожде думала.

– О чем?

– О дожде. Я дождь в наушниках слушать люблю.

– А я – рычание мотора мотоцикла. И запах его люблю.

– Значит – мотоцикл под дождем будем слушать?

– Ага. И нюхать бензиновый дождь.

Сашка рассмеялся. Во все тридцать два. Раскатисто. Легко.

Мы подошли к дому. Четыре этажа без лифта. Поднимаемся, тащим корзину. Точнее, Сашка тащит. Потеем. Пихаемся.

– Зайдешь?

– Не, прости. Как-нибудь в другой раз.

У меня ухнуло сердце. А ведь они с мальчишками всегда-всегда заходят к Маринке. Просто так. На чай. На фанту. На поболтать. В горле набухла обида. Я натянула улыбку и выдавила хриплое «пока». Шваркнула дверью.

– Доча, ты? Чай будешь?

Я рванула дверь в свою комнату, стукнулась об угол. Больно так. Мизинцем левой ноги. Бухнулась на кровать.

– Ненавижу. Ненавижу себя за наивность. Напридумывала! Да кто тебе сказал, что ты ему нравишься? – я больно стукнула себя по коленке. – Дура! Возомнила себе.

Я нашла под подушкой все те же детские красные колготки и рывком натянула их себе на голову. До глаз. Вот тебе! Дура и есть дура! Завтра в школу так пойдешь. С колготками на голове. Пусть все видят, кто есть who! – и я рухнула в колодец сна.

Саша

Я люблю, когда ветер. Скорость.

Люблю идти по парку ночью, когда снег в лицо. Люблю, когда собака рядом – морду положила на колени и похрапывает.

Читать на подоконнике с видом на Неву. И чтобы окна до неба. Ремарка. Ту, что Мария. Шучу.

Пить чай с ложечкой. Так вкуснее. И сахара – ложки три. Чтоб мне слиплось, как говорит папа.

А еще Зою люблю.

Ее длинные пальцы рук. И ног. Не смейтесь – я видел. Мы сидели у озера в Кавголово. Димка пихнул ее в воду. Новые кроссовки нахлебались воды, пришлось снять. И джинсы. Я принес ей плед. Она рассмеялась мне в лицо, близко так. Я даже ощутил запах ее волос. И дезика. Успел заметить сколотый краешек зуба. А Зоська отшвырнула плед и стала прыгать по берегу в одних трусах и футболке. Футболка была белой. И мокрой насквозь.

Мне хотелось дать в морду Димке, Сеньке и Руслану – всем. Всем, кто на нее смотрел. А смотрели все, так как не смотреть было невозможно. Зося вся в веснушках. Радостная такая. Солнечная. И абсолютно прозрачно-голая.

Вчера пришла в школу со следами от резинки колготок на лице. Глаза опухшие. Отстань, говорит. Это от подушки.

Ага, так я и поверил. Она рассказывала по

секрету: в детстве колготки на голову всегда натягивала, когда грустно становилось. В Пеппи Длинныйчулок играла. И веснушки фломастером подрисовывала. Для дедушки, говорит.

Даже не поздоровалась утром со мной. Пробурчала что-то себе под нос: дура, говорит, так тебе и надо. Короче, я не понял. Вчера шли по парку. Я придумал повод ее проводить: корзину донес. Тяжелая, говорю.

Вдруг наклонилась: шнурок будто бы развязался. А я-то знаю – у нее кроссы на липучках. Странная она. А когда наклонилась, свитер задрался. Я видел ее позвоночник, хрупкий такой. Даже содрогнулся: вдруг сломается.

На перекрестке ринулась прям под машину: все витает где-то. Я ее придержал. А она, как прижмись ко мне спиной изо всех своих цыплячих сих. И не дышит. Я испугался. Сейчас как почувствует: ну, сами знаете, что.

А сердце так и стучит: бум бум. Я прямо услышал. Ее «бум». А потом – мой. А потом «бобом» – вместе. Гром и молния. А Зоська вдруг говорит: «А я о дожде думаю». Круто, думаю: а у меня внутри гром и молния.

Дошли до дома. Мне так расставаться не хотелось. Но я слово себе дал: предложит зайти – ни за что не соглашусь. По крайней мере, в первый раз. А она еще, похоже, и обрадовалась, что я отказался: улыбнулась до ушей и дверью перед

носом хлопнула. И почему в жизни все не так, как в книжках: она любит его, а он ее.

Нет. Зоська уж точно меня не любит.

Сашка вздохнул и уселся на подоконник. Домик Петра за окном показался ему серее обычного. Нева поднялась. Осень ощущалась в каждом движении города. Чай в папином подстаканнике звякнул ложечкой. Сашка открыл книгу и бережно отложил закладку: два медных, закручивающихся на самом конце, волоса. Не потерять бы.

Глава 2. 2023 Зося

Я шла по узенькому проходу между двух домов. Вовка вилял задом, словно падшая женщина. Серый, будто одетый в замшевый костюм, он явно считал себя секс символом района. Французские бульдоги – мужчины особенные.

Наушники тинькнули и на секунду перестали петь : пришло сообщение.

«Привет, Зось, ты как? Сто лет не созванивались»— А ведь действительно, лет десять уже не общались. Я искренне обрадовалась Маринкиному сообщению.

«Да, давай часов в восемь сегодня «.

«Ок».

Мое прошлое настигло меня неожиданно, сухим двухбуквенным ок.

В тот же вечер в восемь мы по обе стороны ватсаппа распивали вино: я – белое, она – красное. Грызли сыр и плевали косточки от оливок: кто в салфетку, кто в изящную фаянсовую пиалку. Говорили до глубокой ночи часа четыре.

– Приезжай, буду правда рада.

– Ладно, не бойсь, приеду, поржем.

Наступил день, потом ночь. Прошла неделя. И наконец в продуктовом между авокадо и бананами я заказала ей такси, а затем тщетно попыталась объяснить Хабибу, что Маринка ну вот абсолютно не говорит по-французски и на дух не пе-

реносит арабов.

Через полтора часа серебристое пежо плавно остановилось у меня во дворе. Хабиб, белозубо улыбнувшись, выкатил малюсенький чемоданчик. А вместе с ним и мою шкодливую молодость в свитере цвета мяты с медведем харибо во весь живот.

– Ну, привет, – нарочито програссировала она, – прижавшись ко мне всем щупленьким тельцем. День катился на закат. Было тепло, рыже-солнечно: как часто осенью в Париже.

Вечером мы пили шабли и ели устриц. Поливали их лимонном и до неприличия сочно засасывали сомнительную мякоть, напоминающую детский насморк.

– А ты помнишь, что у Сашки сегодня день рождения? – прищурилась она. Конечно, я помнила. Есть в нашей жизни даты и имена, которые вытатуированы в памяти, кто поймет зачем. И каждый год мы думаем набрать номер, зачем-то всплывающий оттуда, где катались на трамвае и ели мороженое на спор. А вместо этого тянем время, выпиваем бокал другой. Третий. И, многозначительно повздыхав и перебрав старые фотки, ложимся спать. Я набрала в легкие воздух и выдохнула:

– Звони.

– Что – звони? Ты что, разговаривать с ним будешь?

– Да. Буду, – отчеканила я. Прошло двадцать пять лет. Я коротко подстриглась, перестала краситься, зато завела себе красную помаду и бульдога и, наконец, заслуженно натянула

на нос обожаемые очки.

Я решила не медлить: набирай.

Она включила видеосвязь и гомерически захохотала.

– Ты обалдела, выключи камеру. – прошипела я. К видеосвязи я совсем, ну совсем не была готова. Она в ответ бросила звонкое «поздно» и опять раскатисто засмеялась.

– С днем рождения! – проорали мы, словно по команде, как только в телефоне появилась картинка. Я ощутила, как покрываюсь пятнами. По спине текла тонкая струйка пота, неприятно меня щекоча.

Он улыбался. Я увидела в телефоне пол лица, густо заросшего щетиной. Один глаз. Еж волос. Маринка магически исчезла и нарочито громко зазвенела тарелками на кухне. Глаз смотрел на меня, бровь медленно ползла вверх.

– Зось, это ты что ли? Вот это даа! Офигеть – подарок!

– Я. Я звоню тебе, чтобы попросить прощения за всю боль, которую нанесла. Прости меня пожалуйста, – чеканил кто-то изнутри. Голова предательски кружилась. Язык не слушался. Наверное, в телефоне слышно, как бухает мое сердце, – подумала я. Я безуспешно пыталась сконцентрироваться. Нашла глаз, так и наблюдавший за мной без слов. Сашка вдруг широко улыбнулся. Как тогда, когда был подростком.

– И для этого тебе понадобилось двадцать пять лет?

Я молчала. Потом тоже заулыбалась. Он закрыл глаза. Потом опять открыл. Снял очки. Немного развернул телефон. Появился второй глаз. Меня трясло.

– Как ты? Давай я покажу тебе мою квартиру, – господи, что я несу. Я потащила по комнатам, лепеча какой-то бред. Он внимательно слушал и кивал. Смотрел на меня.

– Неужели это ты?! – вырвалось у меня.

– Я. Зачем ты появилась?– он зевал, чесал глаза. Словом, нервничал и всеми средствами выказывал безразличие.

Я молчала.

– Не знаю. Я давно хотела это сделать. Я устала просыпаться и вновь и вновь прокручивать кино. Устала выдумывать, как ты, и что было бы ,если.

Он опять поднял брови и еле заметно улыбнулся котом. В дверях замаячила Маринка.

– Ну ладно, девочки, был рад вас видеть. Обнимаю. Очень спать хочу. – и отключился.

Глава 3.1993 Зося

Мы, как всегда, сидели в кафешке на Невском и заказывали вот уже пятое по счету мороженое с изюмом.

– Я же сказал, что выиграю, – Сашка сидел напротив меня на заусенчатом деревянном стуле и нарочито громко икал. Вареная джинсовая куртка на рыбьем меху была расстегнута. Под приоткрытым воротником клетчатой рубашки стучал еле заметный ручеек голубой вены.

– Не-а, – и я со смехом запихала еще одну ложку мороженого себе за щеку. Зубы стыли, язык замерз, но мне надо было выиграть.

– Ну что, тогда еще по порции, – со смехом выдавил он и опять громко икнул.

– А давай.

Мне было холодно. Дверь кафешки скрипнула, ледяной ветер прогулялся по ногам. Я поежилась.

– Зось, давай – хватит. Сдавайся уже. А не то заболеешь.

– Ага, щца.

– Ну тогда, признай просто, что я выиграл.

– Принесите нам пожалуйста еще двойную порцию, – я гордо взглянула на официантку.

– Зось, у нас и деньги закончились.

– Ничего не закончились, – и я вытряхнула из кармана последние копейки вперемешку с крошками от печенья.

– Знаете, мы передумали, – и он уже тащил меня к выходу.

– Зось, ладно, перестань. Надо уметь проигрывать, – и он бесцеремонно слизал каплю мороженого с моего подбородка. – Лучше пошли в автоматы сфоткаемся на остаток денег. Ну его, это мороженое, живот уже пухнет. – и он демонстративно похлопал себя по животу, раскрыв куртку. Я все еще упиралась, но силы явно были не равны. Мы вышли на Невский. Он горел желтыми огнями. В мокром асфальте отражалось черное намоченное небо.

– Пошли, автоматы в той стороне, – и мы направились в сторону Адмиралтейства. Кабинка была малюсенькая и совсем неприметная, с красным порванным сиденьем. Сашка отодвинул занавеску тут же уселся.

– Садись ко мне на колени, – заявил он.

– Вот еще, – я почти что обиделась: надо мне больно, потом еще скажет, что я толстая.

– Да ладно, ты что, я ж люблю тебя, – он как будто прочитал мои мысли. Улыбнулся вдруг, внимательно заглянув в глаза и безоговорочно усадил на коленку, заорав, – Аaaa! Ну точно – открытый перелом! – Я вскочила и почти уже вылетела из кабинки. Сашка успел хватануть меня за необъятный капюшон пальто и, притянув к себе, вдруг нежно-нежно меня поцеловал, прошептав: «Дурочка, я ж шучу.» Усадив меня, наконец, к себе на колени, он кинул монетку.

– Короче, фоткаемся для потомков.

– Каких потомков, Саш. Ты обалдел?

– Конечно, для них. У нас обязательно будет дочка. Я назову ее Зосей.

– Ага, конечно. И сына Сашей.

– Не. Сына, как моего папу – Сергеем.

– Нифафто! Чтобы у меня был сын Сережа?!

– А я сказал – будет.

– Не буду фоткаться!

– Ты что, для Сереги! Будем потом ему показывать, какие мы были.

– Офигел ты совсем.– Щелк. Камера запечатлела мой профиль со словами: «Офигел ты совсем» и возмущенный Сашкин фас.

– Ну ладно, давай нормальную сделаем. Поцелуй меня, – сказал Сашка и попытался сделать фотогеничное лицо. Я прилипла к его щеке и раздула щеки и фыркнула. От неожиданности он засмеялся. Брызги слюней полетели во все стороны.

– Ну Зоось! Так все фотки так потратим. Давай третью – ты улыбайся. И я – улыбайся. – и тут же полез мне куда-то под пальто. Я начала отбиваться и полетела с его колен. На фотке остался только кусок моей головы с взлетевшими волосами и Сашка, пытающийся меня поймать.

– Садись скорее, последний. – Мы оба захохотали, смотря куда-то в бок.

Фотки долго готовились и наконец выскочили на дождь: клейкие, лаковые. Я лихо подхватила их и спрятала под паль-

то.

– А правда красиво: черно-белые, – сказал Сашка.

– Ага. Только у тебя тут нос кривой, прям видно.

– Ну и пофиг, он у меня и в жизни такой. Сереге понравится, – и он обнял меня за плечи. Мы вышли на ветер и побежали к переходу в метро.

– Все равно с мороженым я выиграла, – верещала я на дождь, а Сашка, повесившись на меня сверху, безуспешно пытался закрыть мне рот.

Глава 4.2023 Саша

День рождения выдался на славу. Воскресенье. Я проспал полдня. А потом уехал с собакой на дачу. Было слышно, как падают листья. Откуда-то появилось солнце и просвечивало сквозь листву. Паутина между веток собирала капельки дождя и подвешивала их между ниточек, будто на прищепках. Капельки дрожали, иногда не удерживаясь, хлопались в листья. Я люблю осень. Природа успокаивается, перестает журчать и кудрявиться. Словно ей самой в какой-то момент становится ближе к пятидесяти годам и она ощущает, что разбрасывать себя по пустыкам уже просто нет ни сил, ни времени. И она садится в старое кресло у камина, откупоривает бутылку бордо, включает джаз и наблюдает, как листья, едва двигаясь, переливаются цветами.

Лес молчал. Изредко аукал кукушкой и осыпал листьями, потревоженными ветром.

Домой я вернулся к ужину. Дети, торт, жена, подарки.

Вышел на балкон. Двадцать пятый этаж. Глянул вниз. Выдохнул. Стало легче, проще, расслабленнее.

– Трииньк, – дернулся карман брюк. Видео-звонок. Маринка, возьму. Видимо, поздравить хочет.

– Поздравляем тебя с днем рождения! – орали в трубку два до боли знакомых голоса. Мне вдруг почему-то вспомнились ведро и семнадцать лопаток: букет, который стоял лет

десять потом у меня в комнате в родительской квартире. Они подарили мне его на семнадцатилетие. Стойте-ка. Они – это же... – Я пригляделся. Маринку уже сдуло с экрана. Передо мной кто-то сидел. Дурацкий зеленый комбинезон и очки. Знакомая улыбка. Я надел очки. Потом их снял. Потом опять надел. – Зось, ты что ли? – сердце забилося синкопой. Я попытался ровно дышать. Еще, еще.

– Я прошу прощения за всю боль... – дудела она избитые фразы. Я смотрел на ее смешные, чуть оттопыренные уши. Короткие волосы открывали тонкую шею. Господи, неужели это она.-... вот, смотри, как у меня здорово, – она носилась с телефоном и усердно показывала мне свою новую квартиру. Я вспомнил, как сильно бьется жилка у нее на шее. Когда я прикасался к ней, всегда словно хотела выпрыгнуть навстречу моим губам. Вспомнил, как она запрокидывала голову от наслаждения. – Видишь, тут свет отовсюду, – не прерываясь, строчила она. Мне вдруг ужасно захотелось спать. Закрывать глаза. Господи, как вот можно так врываться в жизнь без стука. Бесцеремонно влезать в окно: «Я требую продолжения банкета!» Я не мог. Все это было чересчур. Я так устал. Устал от работы. От того, что все не то. Устал от людей. На горизонте в телефоне показалась Маринка.

– Девочки, был рад вас видеть, – сам того не ожидая, сказал я и отключился.

Зося

– Марин, дай телефон.

– Чей?

– Сашкин.

– Ты реально больная. Зачем? Зачем тебе все это? Ты ж его уже видела. Сказала все, что хочешь сказать. Острых ощущений захотелось? У тебя что – слишком все хорошо?

– Не знаю. Надо. Возможно, чтобы понять, что мне все это уже не надо. – Маринка молча скинула мне номер. Мой телефон, словно проснувшись, зателенькал, радостно принимая сообщение.

Маринка уехала. Я осталась. Одна, с непричесанной головой и мыслями вразброс.

– Привет. – написала я и, быстро отправив, откинула телефон, чтобы не дай бог не передумать и не удалить. Я не знала, что мною двигало. Возможно, действительно, желание разобратся. Прошло двадцать пять лет. А он все также занозой сидел в сердце. Приходил во снах. Я много раз пыталась его выдернуть, залить рану перекисью. Все тщетно. Он врос в меня, гноился, нарывал. Иногда боль становилась практически физической. И я решила – пусть. Пусть глупо, непонятно, неожиданно. Зато правдиво по отношению к самой себе. И однажды, посмотрев прошлому в глаза, я может и словлю

ощущение – все прошло. Закончилось. Нежная, но такая поучительная сказка о первой любви, больше не болит. Вздохну свободно и перейду, не оборачиваясь, на другую сторону моста.

– Привеет. – ответ пришел почти что сразу.

– Рада была тебя видеть. Давай созвонимся, поболтаем как-нибудь.

– Давай.

Дальше – тишина. Три недели «не сегодня. Сорян. Отдыхаю от людей».

Хотелось кричать в трубку: да разве я человек?! Я для тебя – химера из снов, ублажающая до звонка будильника.

Наконец, в какой-то момент он написал: у меня самолет через три часа. Сижу в аэропорту. Набирай.

Я налила себе бокал Шардоне и почти силой залила его целиком себе в горло. Стало теплее. Но не легче. Я выдохнула через рот, как нас учили на йоге – так, чтобы внутренности прилипли к позвоночнику и нажала на зеленую кнопку с телефоном. Меня лихорадило. Хорошо, что не надо было забивать цифры, я бы никогда не попала на нужные кнопки. Вино ударило в голову, и стало как-то проще. «Ну и хер с ним, с плащом», – вспомнилась фраза из фильма и я, не заметила, как улыбнулась.

– Привет.

–Привет. Рада тебя слышать.

– Ммм.

– Расскажи, как ты? Что делаешь?

– Много работаю. Езжу на охоту с собакой.

Мы смеялись. Подтрунивали. Опять смеялись и пили, каждый на своем конце провода. Было что-то настоящее в нашем общении. Знакомое. Наше. Вспомнились ночи, когда я засыпала с телефонной трубкой в руках, слушая глупости на том конце провода. Глупости, понятные только нам. Такие важные и такие трогательные.

– Расскажи что-нибудь о себе, – сказал он.

– Я не знаю, что рассказать. А что ты вообще обо мне знаешь? – сказала я невпопад.

Не знаю. Я вообще ничего о тебе не знаю. И не хочу знать. Вот. Понятно? – вдруг вспыхнул он.

Я подумала, что для человека, который ничего не хочет обо мне знать, потерять два часа и пятьдесят минут времени просто так, со мной – немного странно. Ну да ладно.

– Когда мы с тобой виделись? В две тысячи одиннадцатом?

– Ох. Лучше бы не виделись, – я оторвала мякиш багета и все катала и катала его в руках.

– Короче, если в следующий раз приедешь и захочешь увидеться, то знай: уже не сбежишь от меня, как в прошлый раз.

Черт. Господи, как все сложно. Я ведь и в тот раз не хотела сбегать.

– Знаешь, у меня папу госпитализировали, – зачем-то ска-

зала я.

– Мне очень жаль. Я, конечно, не желаю смерти твоему папе, но, сама понимаешь, было бы здорово, если бы ты приехала, – я ощутила, как он улыбнулся.

– Конечно, – сказала я и покраснела.

– Зось, мы взлетаем. Был рад услышать твой смех.

– Угу. Пока.

Тишина. Господи, как можно закончить разговор с женщиной, на которую тебе абсолютно плевать, фразой: «Был рад услышать твой смех»..

Я с удивлением обнаружила, что только что открытая бутылка Шардоне, была пуста.

Глава 5. 06.12.1992 Саша

Была зима. Такая, какие бывали тридцать лет назад. Снег глыбами лежал на улицах или кис под толстым слоем соли. Сосульки размером с человеческий рост угрожающе свисали с крыш домов. Пирогии снега съезжали с крыш, как только хоть чуть-чуть теплело.

Мы без конца ходили по парку, толкали друг друга в снег, целовались на холоде и прогуливали вечерние занятия для поступления в институт. Точнее, прогуливал я. Зося ходила, а я таскался с ней и сидел на ее уроках. На кафедре не топили. Все грелись в куртках. Опушка ее фиолетового пальто, слипшаяся сосульками от мороза, вечно залетала ко мне в рот. Мы беззвучно хихикали на последнем ряду и обнимались, отплеываясь от меха.

В тот вечер забежали к ней домой на пятый этаж. Бежали на перегонки. Я, как всегда обогнал. У дверей мы остановились, она два раза щелкнула ключом.

– Раздевайся. Пошли погреем руки горячей водой в ванной.

Мы приходили в ванную, включали воду и забывали обо всем. Я присаживался на бортике, а она стояла близко близко. У нее были ледяные краснющие щеки и тонкие холодные пальцы, которые она имела привычку запускать ко мне под свитер. Раздразнив меня, она понеслась на кухню.

– О, мама оставила записку.

– Ну и?– мне уже явно было не до записок.

– Сварите щи на вечер. – Далее следовал последовательный рецепт: «Пассеруем лук» – начала читать Зося. Я расхохотался: «Серьезно? А просто обжарить – никак?»

Итак, мы взялись готовить. Пассеровали, шинковали, целовались и опять шинковали. Добавляли соль и сахар, пробовали из поварешки, хохотали и прыскали кислой капустой друг другу в лицо. Пересыпали перца, безнадежно попытались его выловить. Наконец, все было готово и мы, закрыв крышкой сомнительное варево, оставили его «томиться на медленном огне».

На мне был пиджак, единственный тогда в моем шкафу: серо-бежевый в елочку. «Say you, say me» – пело радио голосом Лайнела Риччи на углу журчащего холодильника. Зося вдруг прижалась ко мне и подняла глаза.

– Знаешь, я хочу тебе что-то сказать.

– Говори, – я гладил ее шею, чуть отодвинув волосы в сторону.

– Я ..я ..

– Что? Что? – мне вдруг стало жарко. Хотелось снять пиджак, свитер, рубашку.

– Я не знаю, как сказать, – она вдруг еще больше покраснела и заулыбалась.

Опустила голову, прижалась ко мне всем телом. Я обнял ее и легонько поцеловал в макушку.

– Ну что ты? Что? – спрашивал и спрашивал я, пытаюсь заглянуть ей в глаза.

– Мне кажется. Я не знаю. Я.. я.. Она подняла глаза, и я вдруг увидел слезы. Она улыбалась и плакала одновременно. И я вдруг тоже ощутил, что плачу. Я наклонился к ней, слизнул слезинку, потом другую. Прижался своей мокрой щекой к ее щеке. Мы вдруг разом захохотали. Она шмыгнула носом и уткнулась в мой свитер.

– Я тоже хочу что-то тебе сказать, – неожиданно прошептал я куда-то ей в затылок.

– Давай месте? – она вытерла слезы и теперь смотрела на меня спокойно, просто улыбаясь.

– Давай. – Я немного отстранил ее от себя, чтобы видеть ее глаза. Она светилась.

– У тебя счастливые глаза, – сказала вдруг она.

– И у тебя. Все. Давай, концентрируемся. – сказал я.

– Я, – сказала она.

– Тебя, – я ощущал, как стучало в горле сердце.

– Люблю, – она засмеялась и спряталась в моем пиджаке.

А затем подняла на меня смеющееся лицо, все еще мокрое от слез. В двери повернулся ключ.

– Доча, почему так горелым пахнет?

Я приоткрыл крышку кастрюли. На дне кочевряжилась прикипевшая ко дну капуста и когда-то золотистый «пассерованный» лук.

Глава 6. 2023 Зося

Я проснулась с тяжелой головой. Пустая бутылка Шардоне все еще одиноко стояла у кровати. – Всё-таки пить – точно не мое, – я попыталась распутать кудрявый колтун на затылке. От вчерашнего разговора осталось удивительное впечатление. Мне бесшабашно и неотвратимо хотелось его увидеть. Дотронуться. Ощутить. Зарыться. Обнюхать. Короче: надо прекратить пить такими порциями.

Тут я открыла телефон. «Папа умер в семь утра» – писала сестра.

Голова все еще звенела, а пустой со вчерашнего вечера желудок громко сообщал, что не мешало бы достать-таки из холодильника последний просроченный йогурт.

«Вот и все», – сказала я вслух.

Нашла Сашкин номер и написала: «Папа умер. Я еду в Питер».

Саша

Прилетел в Москву. Разговор с Зосей оставил странное впечатление. Я не хотел себе в этом признаваться. Ни себе, ни кому-либо другому. У меня была устаканенная жизнь. Со своими прибабасами и переворотами, но моя. И я мог ее контролировать. То, что закрутилось сейчас, возвращало меня на двадцать лет назад. Туда, где я был уязвим. Туда, где еще не нарастил себе панцирь. Где был одинок и незащищен.

Я сидел перед стопкой проектов. Надо было работать.

Телефон буркнул в кармане около сердца. Я нехотя достал его: «Папа умер. Я еду в Питер», – я посмотрел в окно. Светило яркое, совсем непитерское солнце. С двадцать первого этажа отеля мне улыбалась Москва. Я вдруг увидел всю свою жизнь. Все, что постепенно отстраивалось в течении двадцати лет. Все это сейчас летело вниз с двадцать первого этажа пятизвездочного отеля в центре Москвы, лихо размахивая флагом под названием «Я еду в Питер».

Глава 7.2023 Зося

Через четыре дня я уже стояла на Обводном и, околевав от холода, пыталась вызвать такси.

В ответ на мое сообщение о папе от Сашки пришло только сухое: «Соболезную. Держись».

Я стояла, глазела не спавшими глазами на дома, на ветер и облака. Вдыхала город, такой холодный снаружи с теплой душой, если до нее, конечно, докопаться.

«Прям как у Сашки», – почему-то подумалось мне. У меня не было выбора. У Сашки еще был. А вот меня не было: папа умер. И, как бы кошунственно это не звучало, мне казалось, что он умер именно для того, чтобы мы наконец встретились.

Прошел день, другой. Сашка то спал, то был в Москве. И опять посыпались ледышками суровые «не сегодня» и «я еще сплю».

Я похоронила папу. Мужественно отстояла панихиду, словно там и не присутствуя. Потом два дня ходила по Невскому под проливным дождем, чтобы не ощущать горячие нескончаемые слезы. Часами отогревалась в кафе, прилипнув к окну и разглядывая мир, такой новый для меня. Мир, где у меня больше не было папы.

Пила капучино и латте, разговаривала с какой-то узбечкой.

На углу Мойки ко мне подошел парень лет двадцати.

– Девушка, – удивленно прочитала я у него по губам. Затем сняла наушники и остановилась. – А хотите на крышу ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.